

А.И. Деникин

Русско-китайский вопрос. Военно-политический очерк¹

От редакции

В этом номере мы публикуем очерк выдающегося российского военного деятеля А.И. Деникина, увидевший свет в 1908 г. и ставший первой его книгой. В очерке автор, прошедший русско-японскую войну, получивший «за отличие в делах против японцев» звание полковника и ряд наград и не понаслышке знакомый со стратегической ситуацией на Дальнем Востоке России, выдвигает ряд предложений по ее улучшению. Деникин резко критикует российскую экспансию в Китае, называя ее оккупацией и эксплуатацией, и высказывает мнение, что окрепший в будущем Китай будет иметь право на недовольство и сможет представлять опасность либо сам по себе, либо в союзе с Японией. Чтобы избежать такой опасности, он выдвигает целую программу развития экономического и военного потенциала восточных регионов страны. Представляется, что эта программа может быть крайне интересна сегодня как с исторической точки зрения, так и в связи с выдвиганием подобных планов в современной России.

Оглавление

1. Роль Европы в жизни Востока.
2. Первоначальные отношения наши с Китаем.
3. Занятие Амура и Кульджи (1850–1894).
4. События, предшествовавшие русско-японской войне (1894–1904).
5. Взаимоотношения русских и китайцев.
6. Возможность вооруженного столкновения.
7. Общий взгляд на культуру Китая.
8. Военно-статистический обзор границ с Китаем и вероятных театров военных действий.
9. Вооруженные силы Китая.
10. Железнодорожная политика его.
11. Китайская армия на маневрах 05–06 гг.

---

¹ Печатается по изданию: А.И. Деникин. Русско-китайский вопрос. Военно-политический очерк. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1908. Орфография изменена на современную.

12. Значение для России Дальнего Востока.
13. Колонизация края.
14. Дальневосточная армия.
15. Сибирский флот.
16. Пути сообщения.
17. Подготовка базы и театров войны в инженерном отношении.
18. Заключение.

«Кроме того полагаю, что Дальний Восток находится в грозной опасности».

I.

Если проследить роль культурных государств Европы в отношении народов Востока, мы увидим систематическую эксплуатацию и неудержимое стремление к порабощению их всеми возможными средствами: политикой, миссионерской проповедью, захватом рынков и, наконец, войною. Какие-либо более этические, просветительные побуждения в этих взаимоотношениях отсутствовали совершенно.

Поскольку дело касается народцев диких, бродящих, неорганизованных, со слабо выраженной государственностью – такой образ действий культурных соседей вынуждается необходимостью создать прочные границы и обезопасить их от беспокойного элемента. Но воздействие, подчас вооруженное, европейских государств, вызванное экономическими стремлениями, направлялось постоянно и на мирные страны со старою культурою, вековым укладом общественной и государственной жизни. Неудивительно поэтому, что вторжение европейской культуры встречало серьезное противодействие, что в странах поработанных результаты ее весьма ничтожны, в странах, уцелевших и воспринявших ее, появляется народное самосознание, и заимствованные новые формы науки, техники и искусства прежде всего направляются для ограждения страны от иноземной эксплуатации.

В числе других стран Востока наибольшим вниманием европейцев пользовался всегда Китай, благодаря своей пресловутой слабости, огромной территории с населением более 450 млн, естественным богатствам и тому значению, которое приобрели его произведения на всемирном рынке. И тем не менее Китай до сих пор оставался неразгаданным сфинксом. Лет двадцать тому назад известный исследователь Азии, покойный Пржевальский, высказал не лишнюю основания уверенность, что с 2 батальонами и 4 орудиями можно пройти весь Китай. Легкость успеха пяти войн, веденных против Китая с конца XIX столетия, как будто подтверждали это мнение. И вот, в начале XX в. в мировой политике появляется новый тревожный фактор, зарождение которого проглядела бездарная дипломатия, это – *пробуждение Китая*. Фактор, имеющий особенное значение для России, соприкасающейся с Поднебесной

империей на пространстве 9000 верст и врезавшейся двумя железными путями во внутрь китайской территории.

Исследование значения этого исторического явления послужит темой моего очерка.

2.

Первые сношения наши с Китаем были завязаны вольными казаками – этими неизменными пионерами русской государственности на востоке. К концу XVII столетия рядом отважных поисков казаков Пояркова, Хабарова, Степанова и др. весь Приамурский край, бассейн Уссури и часть Сунгари были присоединены к России. На Амуре построена была крепость Албазин и целый ряд острогов, занятых мелкими гарнизонами. Нужно заметить, что занятие Приамурского края не имело характера посягательства на китайскую территорию: край этот был населен инородческими племенами, совершенно свободными и находившимися вне всякого влияния от государственной власти Китая. Можно думать, что китайское правительство отнеслось бы безразлично к появлению новых соседей, если бы не постоянные набеги и грабежи казаков, которые вынудили Китай двинуть к Албазину 10-тысячное маньчжурское войско. И в 1688 г. после долгого и геройского сопротивления казаков приамурские остроги были уничтожены и Албазин разрушен. В следующем году Головин заключил с Китаем Нерчинский договор, по которому весь Амур перешел в руки китайцев, не осуществивших, впрочем, своего права, оставив свободной всю систему среднего и нижнего Амура. Тем не менее актом этим Россия надолго была отрезана от Великого океана.

С этих пор, в течение полутора столетия наша дипломатия в вопросе русско-китайских сношений проявляет полную пассивность, ограничиваясь лишь робкими шагами по развитию и урегулированию торговых сношений с Китаем. Причину этого явления следует искать в слабости наших вооруженных сил на Дальнем Востоке, преувеличенном понятии о тогдашней силе Поднебесной империи и заблуждении наших ученых, считавших, что Охотское море не соединяется с Японским и что Амурский лиман для морских судов не доступен.

Торговые сношения наши развивались, однако, чрезвычайно туго. Постоянные притеснения русских купцов китайскими властями, неразумное ограничение вплоть до 1755 г. свободной торговли правительством, монополизировавшим ее в своих руках в виде казенных караванов, ограничение района торговли Кяхтой с правом посылать караваны в Пекин лишь один раз в 3 года – все это до крайности затрудняло ее развитие. Посылаемые в Пекин посольства терпели невероятные унижения. В 1764 г., например, по настойчивому требованию нашего министерства временно запрещенная торговля была разрешена под таким предлогом: «по закрытии торгового россиане весьма скучают; я ж (т.е. богдыхан) обо всех животных вообще соболезнаю». Вот каким языком китайский верховный совет говорил с правительством могущественной империи.

Как бы то ни было, уже в середине XVIII столетия обороты русско-китайской торговли составляли до 9% всего оборота России и давали до 38% всего таможенного дохода.

До открытия в сороковых годах прошлого столетия европейцам китайских портов Сев. и Зап. Китай, Монголия и Маньчжурия снабжались тогда исключительно русскими товарами.

3.

В 1850 г. лейт. Невельский, убедившись в доступности Амурского устья и в том, что прилегающие земли фактически не подчинены Китаю, по собственной инициативе поднял на Амуре русский флаг и объявил о присоединении Приамурского края к России. Благодаря сильной поддержке графа Муравьева и невзирая на противодействие министра иностранных дел, Император Николай произнес известную фразу: «где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен». И 25 февраля 1851 г. Правительствующий сенат уведомил китайское правительство о совершившемся факте. Занятие Амура, к которому без сомнения подвинула нас проявленная Китаем слабость в войне с англичанами в 1840–1842 гг., явилось поворотным пунктом в истории русско-китайских сношений.

Не принимая участия в последующих войнах против Китая англо-французов в 1856–8 гг. и французов в 1860 г. – войн прямо-таки грабительских, сохраняя доброжелательный нейтралитет, русское правительство заговорило, однако, с Китаем более твердым языком, умело пользуясь его политическими затруднениями. Рядом договоров – Кульджинским (1851), Айгунским (1857), Тяньцзинским (1858) – Россия добилась широкого развития своей торговли, исправления границ с западным Китаем и расширения заамурских владений до границ Кореи.

В 1871 году ввиду крупных беспорядков в Илийском крае, отложившемся от Китая, Россия заняла войсками Кульджу и приступила к ее колонизации. Край этот имел для нас весьма важное стратегическое и экономическое значение: обладая плодородной почвой, богатая хлебом, лесом и каменным углем, т.е. всем тем, что недоставало нашему Туркестану, Кульджа являлась житницей наших среднеазиатских владений, естественной базой для наступательных действий в случае каких-либо осложнений и центром военного и политического влияния на сопредельный Китайский Туркестан. Но в начале 80-х годов Китай, оправившись от своих внешних затруднений, приступил к вооружению и предъявил категорическое требование очистить Кульджу. Мы ответили мобилизацией части войск Сибири, Туркестана и посылкой в китайские воды эскадры адмирала Лисовского – демонстрация, стоившая более 10 миллионов. Но в конце концов, под влиянием порядочно расстроенных финансов правительство наше не рискнуло начать требовавшую огромных расходов колониальную войну, и в 1881 г. С.-Петербургским трактатом вся Кульджа отошла к Китаю; взамен за это России были предоставлены новые торговые права.

Изучение сношений наших с Поднебесной империей на пространстве двух столетий приводит к заключению, что: 1) в отношении Китая русская дипломатия проявляла всегда терпение и уступчивость, иногда даже в ущерб достоинству великой империи; 2) торговые выгоды служили предметом исключительного внимания в ущерб политическим; 3) поддерживая всегда дружественные отношения, не ведя ни одной

войны – факт чрезвычайно редкий в истории двух соседних государств – правительство наше вместе с тем всемерно старалось об ограждении целостности Китайской империи от посягательств европейских держав, возбуждавших не раз вопрос о разделе Китая.

4.

В 1894–1895 гг. разгорелась японо-китайская война, окончившаяся Симоносекским миром, по которому, между прочим, к Японии отходил Ляодунский полуостров. Но, «внимая дружеским советам России, Франции и Германии», как гласило официальное сообщение, Япония вынуждена была отказаться от Ляодуна, получив взамен дополнительную контрибуцию в 60 млн рублей. Вслед за сим в благодарность за оказанную по исключительной инициативе России услугу, в мае 1896 г. заключен договор, по которому китайское правительство предоставляло России право постройки и эксплуатации железных дорог по Маньчжурии для связи строившихся дорог Забайкальской и Южно-Уссурийской.

Этим двум фактам, как известно, суждено было иметь огромное, роковое значение в судьбах Русской Империи, вывести ее благоразумную, быть может, слишком осторожную дальневосточную политику на путь безудержного авантюризма, последствия которого в будущем даже и предвидеть трудно.

Виновник нашего вторжения в Маньчжурию Витте в одной из своих Всеподданнейших записок говорит²: «История измеряется не годами, а веками, и с этой точки зрения проложением Китайско-Восточной дороги и сооружением Порт-Артура и Дальнего совершено великое дело – выполнена историческая задача, сделан один из последних шагов в поступательном движении найти выход к открытому морю, к незамерзающим берегам Тихого океана. Распространение нашего влияния на Маньчжурию начато было не путем завоевания, а мирным делом постройки дороги. Мирным путем, а следует закрепить ее окончательно». Эта тирада, в которой больше красноречия, чем искренности и государственного смысла, требует объяснения.

1) Смешно называть «мирным» вторжение железным путем и корпусом войск, вынужденное у слабого и только что разбитого соседа.

2) Выход этот к океану соответствовал бы интересам России лишь в том только случае, если бы мы обладали на Дальнем Востоке достаточными силами и средствами поддержать его, чего на самом деле не было вовсе. К тому же современной, так сказать, потребности вполне удовлетворяла гавань Владивостока, замерзающая всего лишь на 2–3 месяца.

3) Обладание этими выходами к океану могло быть прочно только при условии колонизации как широкой полосы железной линии, так и прилегающего края. На сколько же была легка такая колонизация, красноречиво говорят цифры: плотность населения на 1 квадратную версту.

² Русские Ведомости. 1905.

Япония	135
Соб. Китай	121
Ю. Маньчжурия	37
Корея	50
С. Маньчжурия	6,5
Приамурская обл.	0,4

4) Отвлекая все наше внимание, силы и средства, Восточно-Китайская дорога обходилась и без того обездоленный и забытый Приамурский край.

5) Экономическое значение дороги *ныне* ничтожно, стратегическое – 1500 в.³ по чужой территории – скорее отрицательное, в политическом отношении создавалась острая причина будущих международных осложнений.

6) Наконец, насколько сбылись предположения Витте, что сокращение пути в прямом направлении даст большую экономию, можно судить по следующим весьма характерным цифрам: стоимость сооружения одной версты обошлась.

На Забайкальской линии	77,170 руб.
“ Уссурийской “	64,529 руб.
“ Китайской “	152,000 руб.

Таким образом, *признавая огромное значение и неизбежность наступательного движения нашего на Восток в будущем, выход к южным портам Великого океана для современного поколения следует считать непосильным и, следовательно, преждевременным.*

Вернемся, однако, к последовательному описанию событий.

В 1897 г. немцы заняли Киа-чжоу⁴. Китайское правительство обратилось к русскому, на основании заключенных ранее конвенций, за помощью... Но вместо помощи, в конце 1897 года, по настоятельным представлениям министра иностранных дел графа Муравьева, воспользовавшись несчастьем Китая, мы заняли Ляодунский полуостров и приступили к постройке южной ветки Китайской дороги.

Если еще проведение линии по Сев. Маньчжурии, благодаря сравнительно пустынной местности (6,5 жит. на кв. вер.⁵), удалению от собственного Китая и сфер влияния Японии не могло возбудить *сейчас же* острых политических осложнений, то с вторжением в Южную Маньчжурию обстановка менялась: вторжение это в область с 13 мил. населения при 37 жит. на кв. версту, – область, связанную издревле династическими интересами с Китаем, со священными могилами предков царствующего рода со значительными естественными богатствами, с важными политическими и торговыми центрами – являлось слишком тяжелым для казны и самолюбия Китая и представляло прямую и резкую угрозу Корею и Японии.

Одновременно с появлением русских судов в Порт-Артуре, начались лихорадочные приготовления к войне в Японии.

³ Верст. Одна верста равняется 1066,8 м. – *Примеч. ред.*

⁴ Цзяочжоу (胶州). – *Примеч. ред.*

⁵ Квадратную версту. – *Примеч. ред.*

В 1900 г. началось так называемое боксерское восстание, являющееся в сущности национальным движением против несправедливости, алчности и жестокости европейцев, стремившихся к расчленению Китая. Результатом было разрушение север. жел. дор. линии, кроме Харбина, большей части южной со станциями Ляояном и Мукденом и многомиллионные затраты наши на возобновление дороги, на мобилизацию и содержание экспедиционных войск. Событие это было первым предостережением грядущих бедствий.

Тем не менее, в августе 1900 года в правительственном сообщении мы опять находим обязательство: «сохранение исконного государственного строя в Китае и устранение всего того, что могло бы повести к разделу Поднебесной Империи» и далее: «Россия не преминет вывести свои войска из пределов соседней империи, если, однако, этому не послужит препятствием образ действий других держав». В течение двух лет, однако, невзирая на ряд представлений Китая, обязательство это не исполнилось; и только в середине 1902 года мы приступили к эвакуации Южной Маньчжурии.

Но в это время на политическом горизонте появилась новая, никому досель неведомая личность: статский советник Безобразов.

Не обладая политической прозорливостью, выведя Россию на опасный путь, правительство наше, однако, в последний момент в полном составе кабинета употребило все усилия, чтобы избежать разрыва. Но было уже поздно. У власти стало другое, неофициальное правительство, состоявшее из лиц – да постигнет их Божья кара и презрение народное – обманувших доверие Монарха.

Эвакуация была приостановлена. Вновь заняты Мукден и Инкоу, конный отряд двинут к Фынхуанчену⁶, началась Ялусская операция и вообще целый ряд следовавших с головокружительной быстротой событий, приведших Россию к небывалому погрому.

Итак, насколько политика русского государства в отношении Китая в первом своем фазисе, т.е. в течение 200 лет, являлась благоразумной, прямой и доброжелательной, настолько же с конца XIX столетия она приобретает специфический оттенок макиавеллизма, не соответствовавший государственным интересам России.

5.

Кроме сношений государственных, важным фактором в истории являются взаимоотношения народов. В этом смысле в первый период за исключением мелких, давно забытых набегов времен Пояркова, сношения сопредельных стран, границы которых на огромном протяжении подходят к пустыням, не давали никакой почвы для сколько-нибудь серьезной вражды. Китайцы, жившие в наших амурских владениях, не имели оснований предпочитать свои порядки нашим, а в прилегающих В. Туркестану⁷ русских областях они находили целыми тысячами гостеприимное убежище от произвола и насилия китайских продажных властей.

⁶ Фэнхуанчэн (凤凰城) – город в провинции Ляонин. Современное название Фэнчэн (凤城). – Примеч. ред.

⁷ (к) Восточному Туркестану. – Примеч. ред.

С проведением Маньчжурской дороги и это положение изменилось. Грандиозное предприятие, сулившее миллионную наживу, наряду с десятками убежденных, честных деятелей, притянуло тысячи представителей богемы, людей, не стеснявшихся в способах и средствах к достижению своего благополучия. Этим людям в силу обстоятельств вверено было представительство России в оккупированной области, в их руках находилась фактически полная власть в отношении туземного населения.

Проведя в начале войны около полугода в штабе Заамурской бригады, ознакомившись с делами ее, наслушавшись множества рассказов старых охранников про постройку «маньчжурки», я был буквально подавлен теми ужасами, которыми полна маньчжурская эпопея. Работа манзы⁸ ценилась в грош, жизнь еще дешевле. Деньги – безумные, шальные, маньчжурские деньги текли рекой. Для них и из-за них господа маньчжурцы при расчетах с тысячными партиями работавших на пути китайцев устраивали бунты, призывали военную силу, усмирявшую и разгонявшую китайцев. До сих пор на Восточной ветке ходит легенда о том, как однажды из рабочего поезда, наполненного нерасчитанными китайцами, сделали гармонику, вогнав его в тупик...

Еще во время войны, когда от прежних вакханалий остались одни воспоминания, китайское население подвергалось тяжелым унижениям и эксплуатации. Черная сотня кулаков, подрядчиков, рядчиков, за редкими исключениями, давила беззащитных манз, выжимая из них все соки, обесценивая труд. Вот, например, тройная бухгалтерия ж. д. подрядчиков на Восточной ветке: дневная работа китайца 15–20 коп., расчет мукой, полагая 4 руб. за куль; при обмене муки на деньги в собственной лавке подрядчика, расчет за куль 1 р. 80 коп. Отличный строевой лес, с невероятными трудностями сплавляемый манзами по порожистым речкам из тайги, претерпевал такие метаморфозы: у манз за бревно 4–6 руб. У подрядчика 26 руб., а по справочным ценам Китайской дороги... по мере аппетита.

Другое большое зло – рабская зависимость от личности переводчика. Сколько недоразумений, грабежей и уголовных дел возникло на этой почве, где переводчики – в большинстве люди с сомнительной репутацией – эксплуатировали беззащитное население, душили всех тех, кто им был негоден. За несколько лет нашего пребывания в Маньчжурии поразительно мало русских выучилось китайскому языку; и за эту инертность приходится расплачиваться громадной долей того влияния, которое должно быть присуще твердой, прямой и справедливой власти.

Наконец, в 1904 г. на территории неповинного, нейтрального Китая разыгрывается война, подвергнувшая «дружественную» страну огню, мечу, реквизициям и всем ужасам иноплеменного нашествия. Картины эти слишком свежи в нашей памяти, чтобы стоило рисовать их. Должен, однако, заметить, что в большинстве случаев разорение страны вызывалось роковой необходимостью, а не злой волей войска. Я живо помню, как в августе 1905 г., после четырехмесячного стояния конного отряда г. Мищенки за Дунь-Ляохэ⁹ в совершенно истощенной местности, лишенные подвоза, мы вынуждены были разбирать на топливо дома при безмолвном, удручающем молчании

⁸ Манзы (от кит. 蛮子) – китайское население Уссурийского края во второй половине XIX – начале XX веков. – *Примеч. ред.*

⁹ Дунляохэ (东辽河) – река на северо-востоке Китая. – *Примеч. ред.*

манз; как однажды старая китайка, скрывшая в землю последние запасы чумизы, легла на разрытую яму и просила убить ее, так как все равно придется умереть с голоду.

Тяжелые картины... и пусть время поскорее залечит все то зло, которое мы вольно и невольно причинили нашему соседу.

6.

Основной, огромной важности вопрос ближайшего будущего – *подыметь ли Китай?* Вместо ответа я повторю вкратце существенные выводы приведенного выше исторического очерка.

1) Давая неоднократно обещания оберегать исконный государственный строй Китая и его целость, мы не противились захватам европейцами китайской территории, приняв в них участие и сами.

2) Две наших железных линии прорезывают Маньчжурию, огромная область подвержена нашей эксплуатации и корпус войск поддерживает оккупацию.

3) Невыгодное наше стратегическое положение, упадок престижа России после злополучной войны, деятельность японских агентов, рост и развитие китайской армии – факты, могущие сделать китайское правительство более смелым и предприимчивым.

4) Результаты хищнической постройки ж. д. и тяжесть минувшей войны не могли не возбудить в китайском населении горького чувства обиды и злобы к пришельцам.

Все эти данные приводят к убеждению, что будущее чревато событиями, и что к ним нам надо серьезно готовиться.

Быть может, в том, что я говорил, много обидного для нашего национального самолюбия. Но мы не вправе обманывать себя, мы должны отнестись сознательно к положению вещей, т. е. чьи бы ни были ошибки прошлого, мы – вся страна, являемся за них ответственной, вся страна будет расплачиваться за них трудом и кровью народа. Прошлого не вернешь. Но, сознавая ясно опасность, мы должны употребить все усилия, чтобы предотвратить ее, чтобы создать выгодное стратегическое положение, создать армию – числом, силою, устройством, знанием, искусством готовую встретить новое испытание и поддержать с достоинством истинные государственные интересы России на Дальнем Востоке.

7.

Закончив этим исторический очерк сношений наших с Китаем, перейду к современному положению вопроса.

В мою задачу не входит исследование Срединной империи. Я приведу лишь те отправные точки, к которым привело изучение вопроса и личное знакомство хотя только двухлетнее с Китаем.

Страна, которая 4000 лет тому назад уже *писала* свою историю, которая обладает около 450 миллионами населения, плотностью превышающего Германию¹⁰; где, не взирая на некоторое этнографическое разнообразие, благодаря обилию естественных

¹⁰ В Соб. Китае 121 ч. на кв. вр.

путей сообщения, широко развилась общая цивилизация; где из 400 миллионов акров использовано для сельскохозяйственных культур всего $\frac{1}{4}$; где $\frac{1}{16}$ десятины прокармливает целое семейство и при этом не бывает массового голода; где, невзирая на примитивность орудий труда, до середины прошлого века отечественная промышленность всецело удовлетворяла нужды страны; где народ трудолюбив, сообразителен, бережлив и дисциплинирован, – такая страна не может не иметь исторического будущего.

Известная консервативность, создававшаяся благодаря особенностям народного характера, религии, а, главным образом, чрезвычайной косности и гнета правящих классов, остановила на тысячелетие нормальный ход цивилизации в Срединной империи. Но отсюда вовсе нельзя делать заключения о невосприимчивости страны к мировой культуре. Наоборот, еще с восстания тайпинов в 1848 г., подавленного при благосклонном участии англо-французов, в Китае началось широкое культурное течение, нашедшее отклик и в высших сферах двора и армии; страна окутана сетью тайных обществ, имеющих общей целью политическое и социальное возрождение Китая. И теперь южные провинции Китая охвачены сильным политическим брожением, вызванным широко распространенной крайней партией Кэ-минь, ставящей своею целью «изгнание маньчжур (династия) и восстановление старого Китая, возрождение народа и разделение поровну земли между всеми»¹¹. Как разовьется это движение и в какой мере отразится оно на русской-китайских отношениях, пока загадывать трудно. Во всяком случае, искренно или нет, но Императрица уступила требованиям прогрессивной партии и указом в декабре 1907 г. объявила о введении в Китае конституции.

Как бы то ни было, сношения с европейцами, кроме растлевающего влияния, которое Европа неизменно вносит в страны низшей культуры, не осталось и без положительных результатов.

Помимо успехов, которые Китай оказал в своей внешней торговле, фабрично-заводской деятельности, железнодорожном строительстве, паровом судоходстве и др. сторонах народной жизни, для нас имеют первостепенный интерес те меры, которые приняты Китаем в последнее время в области государственной обороны.

8.

Итак, с Китаем наши сибирские земли граничат на протяжении около 9 тыс. верст. В стратегическом отношении важность границ далеко не одинакова и потому рассмотрим их вкратце по районам¹².

Западно-Сибирский район представляет обширный край, ограниченный с запада Акмолинской и Тобольской областями и с востока – Забайкальем¹³. Очерчивающие

¹¹ Судя по изложенной программе, речь идет о сторонниках «трех принципов» революционной (革命, гэмин) группы Сунь Ятсена «Тунмэнхуэй», сформулированных им в 1905 г. в Японии. – *Примеч. ред.*

¹² Данные для этой главы взяты из книги А.М. Золотарева «Военно-географический очерк окраин России».

¹³ Северные уезды, совершенно пустынные и не имеющие военного значения, исключены (Нарымский край, уезды Туруханский, Енисейский и Киренский).

его с юга системы Тарбагатая, Алтайских и Саянских гор отличаются высотой, отсутствием разработанных перевалов, труднопроходимостью, за исключением разве прохода шириною в 100 вер., образуемого долиной Иртыша.

Край пересекается великим сибирским путем от Омска до Иркутска, удаленным на сотни верст от границы, и только в крайней восточной части, у Байкала, приближающимся к ней до 70 верст. По параллелям в том же приблизительно направлении идет важнейший водный путь от Урала (Ирбита) по Иртышу, Оби, Енисею и Ангаре до Байкала. Пути этому, несомненно, суждено большое значение в будущем. Грунтовых дорог в районе мало и они в очень скверном состоянии.

Западно-Сибирский район хотя и обеспечен хлебом, мясом и перевозочными средствами, но далеко не в такой степени, чтобы продовольствовать армию. Плотность населения его едва 2,4 человека на квадратную версту. Одно поселение со 165 в среднем человек приходится на 3,600 кв. верст.

Не в лучших условиях находятся и сопредельные с ним застенные области Китая – пустынные, дикие, с наименьшей сравнительно культурой и наименьшим тяготением к Срединной империи: Вост. Туркестан¹⁴ с его кочевым населением, небольшими оазисами культурных земель и 1½ миллионным оседлым населением; Джунгария – с 1,63 и Монголия с 1,22 чел. на 1 кв. версту.

Все эти обстоятельства в связи с отдаленностью культурных областей Китая позволяют думать, что Западно-Сибирский район имеет значение второстепенное и, если станет театром военных действий, то разве только в крайней восточной своей части, где железный путь может подвергнуться партизанским набегам.

Забайкалье находится приблизительно в таких же условиях. Та же отдаленность от более населенных частей Китая, та же малонаселенность – всего 1,3 чел. на 1 кв. версту и только в южной части до 1,8 то же соседство с пустынной Монголией.

Но прорезывающий Забайкалье железный путь, отстоящий от границы местами на 70–80 в. и у ст. Маньчжурия входящий в пределы Китая, здесь более уже подвергается опасности и прорыв его где-либо возле ст. Карымской грозит полным разобщением Амура и Харбина с Сибирской магистралью и базой. В район ведут важнейшие грунтовые дороги: а) Пекин-Урга и далее на Читу или через Кяхту в Верхнеудинск, б) Цицикар-Чита. По параллели – главнейший водный путь, связывающий Забайкалье с Амурской областью, Ингода-Шилка-Амур¹⁵.

Невзирая на свою малонаселенность, Забайкалье принадлежит к наиболее богатым областям В. Сибири по развитию скотоводства и земледелия: на 100 жителей в нем приходится 100 лошадей, 200 овец и 200 голов крупного рогатого скота. Избыток хлеба в нем доходит до 5 мил. пудов. Эти цифры относятся к периоду перед последней войной. Хотя, без сомнения, почти поголовное ополчение, которое вынесло на своих плечах Забайкальское казачество в двух последних кампаниях, не могло не подорвать его благосостояния, Забайкальская область представляет из себя естественную базу для дальневосточной армии.

¹⁴ Восточн. Туркестан выходит за пределы района, соприкасаясь с областями Туркестана.

¹⁵ Впрочем, судоходство удобно лишь от Покровской на Амуре.

Амурский район, к которому я отношу, во-первых, Амурскую область и, во-вторых, часть оккупированной Маньчжурии между Амуром на севере и неопределенной линией южнее В.-Китайской дороги, до которой распространяется фактическое влияние охранного Заамурского округа пограничной стражи.

Край прорезывает река Амур, судоходная на всем протяжении и при полном бездорожье имеющая весьма важное значение как единственный путь, связывающий Забайкалье с Великим океаном. Препградой для вторжения он вряд ли может служить; правый берег к тому же почти везде командует над левым. Обеспечением до некоторой степени может служить бездорожье; впрочем, то же бездорожье затрудняет ныне и нам сообщение Амура с магистралью¹⁶.

Ограниченный с трех сторон труднопроходимыми горами, как бы отрезающими его от соседних русских областей, прикрытый весьма сомнительной препградой в виде необеспеченного Амура от врезавшейся глубоко в его пределы Маньчжурии, Амурский край представляет наиболее удобств для неприятельского вторжения и наименее обороноспособен.

Нечего говорить, что положение оккупированной части Маньчжурии с 1600 верстами железной дороги, ничем буквально не обеспеченной (п. ч. нельзя считать обеспечением тонкий кордон пограничной стражи в 15 челов. на версту пути), проходящей по чужой территории, представляется еще более грозным, и нет сомнения, что край этот явится первым театром столкновения, а ж. д. путь с важнейшим узлом Харбином – первым объектом военных действия китайской армии с целью порвать связь между Забайкальем и Уссурийским районом.

К таким же печальным выводам приводит сравнение естественных условий жизни сопредельных областей.

В то время как в Амурском крае приходится едва 0,43 челов. на кв. версту, в Маньчжурии при средней плотности в 18,16 челов., на сев. – 6,53, в Гиринской провинции 30,61, в Мукденской 61,22. В то время как Амурский край, обладающий, несомненно, большим количеством плодородных земель, в особенности по долинам Амура, Зеи и Буреи, едва в состоянии прокормить свое 120 тысячное население, Маньчжурия дает огромный избыток средств, и, как известно, обеспечивала в течение почти 2-х лет большую часть потребностей двух огромных армий.

Сопоставление всех приведенных условий, с другой стороны, указывает на те большие военные преимущества, с которыми связано наше вторжение в Маньчжурию, при условии прочной базы, обеспечения коммуникационной линии и превосходства сил.

В таком же приблизительно положении находится *Уссурийский район*, ограниченный с запада р. Усури, Забайкальем и с.-з. границей Удской округи, с востока Великим океаном.

Край вполне удобный для культуры, но крайне пустынный: население его колеблется от 0,14 челов. на 1 кв. версту на севере до 0,73 на юге, в то время как в соседней Маньчжурии, как указывалось выше, население от 6,53 до 61,22.

---

¹⁶ В последнее время, как слышно, китайцы проводят колесную дорогу вдоль правого берега Амура и строят крепость против Благовещенска.

Край прорезывает железный путь Владивосток–Хабаровск – весьма важный, как связь с Амуром, но подходящий почти вплотную к китайской границе и поэтому подверженный большой опасности. Кроме того, ветка Владивосток–Пограничная составляет начало Сибирской магистрали. Такое же важное значение принадлежит Уссури и Амуру с паромством от с. Бельцева до устья Амура.

На востоке Уссурийский район омывает Татарский пролив, судоходный в течение 9–10 месяцев и Японское море глубокое со множеством прекрасных заливов и бухт. Это обстоятельство дает огромное преимущество противнику, владеющему морем, допуская высадку десанта в любом месте в тылу войск, занимающих край.

Колесными путями край очень беден. Поперечных (между океаном и Уссури) почти нет, продольный вдоль Уссури.

Лучшие колесные пути в Маньчжурию: а) Владивосток–Хунчунь¹⁷–Гирин; б) Никольск–Уссурийск–Нингута¹⁸–Гирин или Харбин.

Кроме Владивостока – первоклассной крепости – в районе имеются Новокиевское укрепление¹⁹, обеспечивающее залив Посьета, и Чнырахския–устье Амура (Николаевск).

Богатая и населенная Маньчжурия клином врезывается в наши владения, отделяя Уссурийский край от соседних частей Восточной Сибири. Это обстоятельство, в связи с доступностью и необеспеченностью сухопутных и морских границ Уссурийского района, делает его весьма вероятным театром борьбы, а железную дорогу Владивосток–Хабаровск и крепость Владивосток наиболее серьезными объектами ее.

Нетрудно также заметить, какие огромные выходы по своему географическому положению дает район этот как база для наступления вглубь Маньчжурии, при условии владения морем, колонизации края и занятия его сильной армией.

9²⁰

Полная беспомощность Китая в целом ряде столкновений с соседями в течение прошлого столетия, погром 95 года и народное восстание 900 г. заставили сугубо реакционное правительство Императрицы пойти по пути реформ. Признав, наконец, основную идею знаменитого прогрессиста Цзенга²¹, что «Китай может начать приводить в порядок свой внутренний строй лишь тогда, когда будет полагаться на прочность преград, устраиваемых им у своих преддверий», – правительство начало с реорганизации армии.

Я не буду останавливаться на той хаотической картине, которую представляла из себя дореформенная китайская армия, состоявшая из разбросанных по всей стране

¹⁷ Хуньчунь (琿春). – *Примеч. ред.*

¹⁸ Город в Маньчжурии, ныне городской уезд Нинъань (宁安) городского округа Муданьцзян пров. Хэйлуцзян. – *Примеч. ред.*

¹⁹ Урочище Новокиевское – ныне поселок Краскино Хасанского района Приморского края. – *Примеч. ред.*

²⁰ 1) «Первые большие маневры Китайской армии в октябре 1905 г. 2) «Военный Сборник» 1907 г. сентябрь и октябрь. 3) Статьи «Русского Инвалида» 1907 г.

²¹ Очевидно, Цзен Гофань (曾国藩). – *Примеч. ред.*

«лянзов, инов»²² лишенных всякой связи, организации, плохо вооруженных, не устроенных, случайно комплектуемых и предводимых совершенно несведущими начальниками. По инициативе высоко-галантливого государственного деятеля Юань-Ши-Кая с 1902 года правительство приняло за основание преобразования армии следующие начала: 1) переход от вербовки к воинской повинности; 2) образование запаса обученных людей; 3) установление однообразия в организации и обучении войск; 4) улучшение офицерского состава и вообще личного состава армии.

В данное время набор происходит еще путем вербовки. К новобранцу предъявляются следующие требования: 1) отличная нравственность, засвидетельствованная за личной ответственностью старшины селения; 2) возраст 20–25 лет; 3) рост не меньше 4 вершка 8 д.; 4) пройти расстояние 9 верст в течение одного часа; 5) поднять на вытянутых руках вес около 3-х пудов до положения перпендикулярно к груди; 6) отсутствие скрытых телесных недостатков, секретных болезней.

Общий срок службы – 10 лет, из которых 3 года действительной службы, 3 года в резерв и 4 года в ополчении. На службе солдат получает жалованья в месяц не равномерно – от 3 до 4¹/₂ лан, унтер-офицеры – 5–10 лан²³.

Что касается свойств китайского солдата, мнения печати диаметрально противоположны. Конечно, до сих пор китайский солдат зарекомендовал себя только с отрицательной стороны: благодаря невозможному режиму в армию до сих пор шли люди, которым некуда было деваться: наемники, не связанные никакими нравственными обязательствами, не понимающие чувства долга перед родиной. Сегодня солдат, завтра хунхуз и наоборот – было явлением заурядным. Никто, однако, не станет отрицать положительных свойств китайца: физической крепости, крайней нетребовательности и умеренности в пище, необычайной выносливости, понятливости, а главное – привычки к безусловному повиновению. Эти данные при наличии возбуждающегося народного самосознания и при условии правильной постановки воспитания и обучения бесспорно выработают из китайца отличного солдата.

Для комплектования офицерского корпуса организуется целый ряд военно-учебных заведений: в каждой маньчжурской общине – кадетский корпус и, кроме того, в Пекине корпус для монголов; 4 средние школы; военное училище и академия в Пекине. Кроме того, Китай командирует молодых людей для обучения за границу. Так напр., осенью 07 года были командированы 30 человек во Францию – в Сен-Сир и Фонтенбло. Современный состав офицерского корпуса, насколько известно, пока не превосходит ¹/₁₀ штата. Интересны цифры содержания офицеров в месяц в б. армии Юань-Ши-Кая:

Командир корпуса	2240 руб.
“ дивизии	1400 руб.
“ бригады	700 руб.
“ полка	560 руб.
“ роты	90 руб.
младший офицер	35 руб.

²² Очевидно, «лянцзы» (亮子), «ин» (营) – небольшие подразделения в армии Цинской империи.

²³ Лан = 1 р. 30 к. – 1 р. 45 к.

По проекту Юань-Ши-Кая армия должна состоять из полевых и резервных частей; полевых войск во всем Китае должно быть сформировано 36 дивизий, что в общем предполагается достигнуть к 1914 г., когда регулярная армия нового формирования с резервными частями достигнет в мирное время состава $1\frac{1}{2}$ миллиона. В нынешнем году закончено формирование 11 полевых дивизий, а 7 дивизий и 3 отд. бригады находятся в периоде формирования²⁴.

Состав дивизии:

- 2 бригады пехоты – 12 батальонов.
- 1 полк кавалерии – 9 эскадронов.
- 1 полк артиллерии – 54 орудия.
- 1 саперный батальон.
- 1 обозный батальон и
- 2 полевых госпиталя.

Общая численность дивизии 6528 штыков, 732 сабли и 54 орудия. В военное время – 10 880 штыков.

Состав и число резервных войск неизвестны.

Не ограничиваясь организацией новых войск в Китае, правительство производит набор и в самой отдаленной провинции, граничащей с нами, – Восточном Туркестане. Войскам этим числом в 14 тыс. предположено придать характер поселенных, вроде нашего казачества.

Наконец, гарнизонами по всей стране рассеяны остатки старых войск, и численность их следующая:

а) Восьмизнаменные войска	260,000 чел.
б) Зеленого знамени	100,000 чел.
в) Нештатные войска	35,000 чел.
г) Монгольские войска	200–300 тыс. всадн.

Всего 600–700 тысяч.

Что касается этих категорий войск, они имеют характер милиции, плохо вооружены и обучены, а монгольская конница редко созывается в мирное время, числясь только на бумаге.

Таким образом общая численность китайской армии будет:	
Новых войск сформировано	80,000
Доканчив. формиру	60,000
Старых войск	600–700 тысяч

Всего....740–840 тысяч.

Вооружение новых войск Китая, ввиду бессистемных покупок и небольшой пока продуктивности отечественных заводов, крайне разнообразно:

²⁴ Русский Инвалид. 1907. № 209.

Пехота вооружена винтовками Мурата, Манлихера и Маузера. Имеются и пулеметы.

В кавалерии – палаши и карабины тех же систем.

В артиллерии 57 и 75 милл. полевые и горные орудия Круппа, японские, Грюзона, Максима и др.

В старых войсках вооружение еще разнообразнее – ружья самых устарелых систем и даже луки.

10.

С лихорадочной поспешностью формируя армию, Китай по инициативе того же Юань-Ши-Кая приступил к реорганизации флота и военно-морских учебных заведений.

В настоящее время флот распределен на 4 эскадры²⁵.

1) Пейянская ²⁶	6 ¹⁾ крейс.,	1 ²⁾ кан.	1 ³⁾ мин. истр.
2) Наньянская	5 ⁴⁾ “	10 ⁵⁾ “	– “ “
3) Фуцзянская –	“	5 ⁶⁾ “	– “ “
4) Гуаньдунская –	“	11 ⁷⁾ “	20 “ лодок.

Всего...11 “ 27 “ 21 “

Кроме того, по Янцзы-цзяну плавают особая эскадра канонерок, а судостроительным фирмам Европы отправлены заказы на 9 бронированных крейсеров (по 8 тыс. тонн) и 2 броненосца (того же водоизмещения) со всеми новейшими усовершенствованиями.

Вместе с тем, чтобы иметь надежную базу для своих эскадр, Китай решил устроить военные порты: 1) в Печилийском заливе²⁷, 2) в Ляохай-е²⁸, 3) в Чжэхай-е, 4) в Юэхай-е.

Ввиду недостатка средств государственной казны для постройки могущественного флота, китайское правительство, подобно тому, как это сделали мы после крымской и во время японской кампании, решило обратиться к добровольному сбору пожертвований, взывая к патриотизму не только граждан империи богдыхана, но и всех заморских колоний, населенных китайцами.

11.

Важным показателем политических течений современного Китая служит железнодорожное строительство его²⁹.

²⁵ «Русский Инвалид» 07 г. (Из «Дальнего Востока»). Водоизмещение по ¹⁾ 1800–1300 тонн, ²⁾ 1250 тн., ³⁾ 335 тн., по ⁴⁾ 1477–2000 тн., ⁵⁾ 300–1200 тн., ⁶⁾ 1000 тн., ⁷⁾ 400–2000 тн.

²⁶ Бэйянская. – *Примеч. ред.*

²⁷ Чжилийский (Бохайский) залив. – *Примеч. ред.*

²⁸ Ляохай (辽海) – Ляодунский залив. – *Примеч. ред.*

²⁹ Подробно положение дорог указывает статья «Русского Инвалида» в № 225 1907 г.

До 1894 г. в Китае существовала одна только дорога Тяньцзинь–Тонгку–Кайпин³⁰. После китайско-японской войны китайское правительство поняло громадное значение железных путей в деле развития экономической жизни страны, сплочения населения и обороноспособности государства. Приступают к постройке целой сети дорог, общее протяжение которых до 08 г. достигло цифры 2,300 миль. Одновременно с этим правительство принимает все меры к полной национализации дорог, выкупает у японцев ветку Синминтин³¹–Мукден, приобретает обратно выданные иностранцам концессии, замещает везде железнодорожный персонал китайцами, путем широкой агитации среди народа, вассальных князей и влиятельного духовенства привлекает к делу постройки частные капиталы.

Оставив в стороне дороги, имеющие местное экономическое значение, укажем важнейшие стратегические линии – существующие, строящиеся и проектированные, – и их значение. 1) Пекин–Ханькоу–Кантон и 2) строящиеся Пекин–Тянь-цзинь–Цзи-нань-фу–Нанкин. Прорезывая богатые, густонаселенные области Китая, соединяя их с южными портами, обеспечивая таким образом подвоз продовольствия (рису), линии эти, вместе с тем, соединяют разрозненные части новых китайских войск, которые по нормальной дислокации расположены в трех главных группах: в провинции Чжилинской (Пекин) – 6 дивизий, в Цзян-Су (Нанкин) – 3 дивизии и близ Хань-коу – 2 див. Впрочем, в последнее время часть дивизии пододвинута к нашей границе, а именно: 3-я из Бао-динфу в Гиринскую провинцию и сводная из полков северной группы – в Мукденскую³².

Но особенно интересен в военно-политическом отношении грандиозный проект соединения Пекина с Амуром, Байкалом и русским Туркестаном путем трех линий:

1) Пекин–Синминтин и далее проектированная дорога на Цицикар и Айгун; 2) Пекин–Колган и далее проектированная на Ургу и Кяхту; 3) Строящаяся ветвь Кай-финь–Сиань-фу и проектированная на Урумчи и Кульджу.

Трудно допустить, чтобы предпринимая такие огромные затраты, прорезывая железными линиями области малонаселенная и малокультурные, китайское правительство имело в виду чисто экономические интересы страны.

Быть может, эти линии оживят несколько русско-китайскую торговлю, чему, впрочем, являет отрицательный пример Сибирская магистраль... Несомненно, они укрепят связь между серединой и застенными областями Китая... Но, в связи с общим направлением политики китайского правительства в последнее время, и в этих признаках нельзя не предчувствовать надвигающейся с востока грозы.

12.

Итак, во всех отраслях государственной жизни Китая наступило пробуждение. Наряду с возрастающим народным самосознанием и выходом правительства на путь либеральных реформ, тайно и явно идут большие приготовления в области государ-

³⁰ Тяньцзинь (天津)-Тангу (塘沽)-Кайпин (开平). – *Примеч. ред.*

³¹ Синьминтин (新民厅), ныне – городской уезд Синьминь города Шэньян. – *Примеч. ред.*

³² В Хейлу-цзянской провинции сосредоточено ныне до 15¹/₂ тысяч всех войск.

ственной обороны. Идут с такой лихорадочной поспешностью, что привыкшие судить о китайской армии с точки зрения веселых опереток европейцы были поражены, увидев на маневрах 1905–06 гг. стройные массы в 36–48 батальонов пехоты с кавалерией и артиллерией, хорошо вооруженные и обученные по-современному японскими офицерами.

Отсылая читателей к подробным описаниям китайских маневров, печатавшихся в «Военном Сборнике» и вышедших отдельными брошюрами, я коснусь лишь общих выводов, к которым пришли очевидцы – военные агенты³³.

Маневры 1906 г. происходили в южной части провинции Хонан (Хэнань. – *Примеч. ред.*), причем в них участвовали 36 батал., 10 эскадр., 30 батар., 3 инж. и 3 обозн. баталиона, общей численностью 33 тыс. человек.

Маневры происходили на изученной предварительно местности, имея, следовательно, более показательный характер и не представляя много места инициативе частных начальников. Тем не менее впечатление получилось весьма благоприятное.

Пехоту можно считать лучшим родом оружия. Все передвижения происходят быстро, скрытно, в порядке. Особенное внимание обращает на себя порядок и тишина при походном движении. Атака ведется по всему фронту, шаблонно, не выжидая подготовки артиллерийским огнем и без соблюдения связи, чрезвычайно стремительно, с быстрым введением в линию огня резервов. При перебежках и обороне замечалось весьма искусное применение к местности. Управление огнем слабо и стрелковые цели слишком густы. Кавалерия пока еще не заслуживает этого имени, но могла бы служить хорошей ездящей пехотой. Впрочем, разведывательную службу она несла удовлетворительно.

Артиллерия по наружному виду отлично выдрессирована, но технических знаний у командного персонала пока еще мало: почти исключительно прицельный огонь с открытых, плохо маскированных позиций, столпление артиллерийских масс и т.д. Впрочем, в 1906 году артиллерия оказала значительные успехи в сравнении с предыдущим.

На маневрах широко практиковалась перевозка войск по железным дорогам, выполненная вполне удачно, производилась наводка понтонных мостов, применялись телеграфные и телефонные сообщения до беспроволочного телеграфа включительно.

Офицерский корпус обладает известными военными знаниями, отличается самолюбием и любознательностью. Новые войска пользуются расположением жителей, которые очень интересовались маневрами.

Не упущена также другая сторона – воспитательная. В разных наставлениях и приказах начальствующих лиц, своеобразных и иногда наивных, указываются долг, обязанности, требования от солдата. Вот, например, определение дисциплины, данное Юань-Ши-Каем – истинным основателем и душой новой армии.

«Всякий, кто родился человеком, а не скотиной, должен кому-нибудь подчиняться. Сыновья и дочери подчиняются отцу и матери. Народ повинуются властям. Власти повинуются Императору. Император повинуются воле Небесного Владыки.

---

³³ Первые большие маневры китайской армии в октябре 1905 года // Военный Сборник. 1907. Октябрь. Статья г. Недзвецкого.

Научившись повиноваться старшим, в будущем вы будете уметь управлять другими. Если же ты пренебрежительно смотришь на дисциплину, ты унижаешь себя самого».

В таком виде представились новые китайские войска на маневрах.

Правда, маневры эти имели заученный, трафаретный характер; правда, что они изобиловали мелкими ошибками и отсутствием инициативы частных начальников – факты очень нередко встречающиеся и на наших маневрах... Но важно уже то, что после трехлетней работы мы можем предъявлять к этим войскам масштаб, установленный для старых обученных армий.

Впрочем, в последнее время дальневосточные газеты приносят и другие известия о китайской армии. «Харбинский вестник» в статье «Упадок новой китайской армии» говорит, что с февраля 1907 г., когда начальствование над Северной армией было отнято у вице-короля Чили³⁴ Юань-Ши-Кая, молодую армию преследуют неудачи.

«Военным министерством заведует Те-Лян³⁵ – человек неспособный. Северными китайскими, лучшими в империи, командует бывший дивизионный судья Фон-Шан³⁶, который не имеет никакого военного авторитета; большинство образованных офицеров, преданных Юань-Ши-Каю, систематически устраняются... В последнее время в провинциях всякое прогрессивное движение приостанавливается, и реакция вновь берет верх. Офицеры и солдаты все более прислушиваются к толкам разных тайных обществ, работающих против маньчжурского владычества».

Хотя у нас нет основания особенно печалиться неурядицей в армии соседа, но к этим данным нужно относиться с большой осторожностью, не ослабляя ни в каком случае наших усилий для создания военного могущества на Дальнем Востоке. Китай доказал, несомненно, свою жизнеспособность, страна имеет неисчерпаемый источник сил и средств для создания сильной армии. Эта армия, путем постепенного перехода к общеобязательной воинской повинности, принимая за основание цифру процентного отношения к населению, принятую у нас, – около 0,7, может достигнуть колоссальных размеров.

Не следует, конечно, переоценивать размеров опасности. Но в равной мере недопустимо то пренебрежение к противнику, которое привело нас к таким тяжелым результатам в минувшую кампанию. Я помню разговор с известным военным писателем Красновым³⁷, который передавал взгляд одного из авторитетных представителей наших в Токио накануне войны: «Япония – это страна клюазонэ³⁸ и прочих безделушек. Когда на них пройдет в Европе мода, и об Японии все позабудут»... Вот какие прозорливцы держали в своих руках ключи к разгадке тайны нарастающей на Востоке грозной опасности³⁹.

³⁴ Провинция Чжили. – *Примеч. ред.*

³⁵ Телян (铁良) (1863–1938) военный деятель Цинского времени, в дальнейшем – монархист. – *Примеч. ред.*

³⁶ Фэн Шань (凤山) (1860–1911) – военный деятель Цинского времени. – *Примеч. ред.*

³⁷ Краснов Петр Николаевич (1869–1947) – военный публицист, в будущем генерал, один из руководителей Белого движения на Юге России.

³⁸ Клуазонне (фр. cloisonné) – изделия с перегородчатой эмалью. – *Примеч. ред.*

³⁹ Любопытна характеристика японской армии по сведениям Главного Штаба накануне войны. Вот что, между прочим, говорилось: отличительными свойствами действий отряда из трех родов

Итак, борьба неизбежна, борьба жестокая, в которой *мы должны* отстоять во что бы то ни стало кровные интересы государства. Не преследуя никаких агрессивных целей, мы будем отстаивать свое добро.

Удержание Дальнего Востока составляет, во-первых, вопрос национального самолюбия, которое не может помириться с отторжением областей, искони принадлежавших России, приобретенных ценою крови и пота русского народа. Дальневосточные области, при всей их нынешней некультурности, представляют огромный земельный фонд, значение которого возрастает неудержимо по мере возрастания населения России и земельной нужды. Дальний Восток открывает Российской империи, запертой с севера льдами Ледовитого океана, с запада – Бельтскими и Зундским проливами, с юга – Босфорскими укреплениями – единственный свободный выход к открытому океану – выход, к которому она неудержимо стремилась на протяжении всей своей многовековой истории. Наконец, потеря дальневосточной окраины отозвалась бы громким эхом по всему матерiku Азия, создав нам неисчислимые затруднения по всем азиатским границам.

Этого быть *не может*. В двух государственных учреждениях, призванных блюсти интересы Империи, твердо, настойчиво и неизменно должна греметь катоновская фраза – «кроме того полагаю, что Дальний Восток находится в грозной опасности». Этот призыв должен будить власть и общественное мнение, должен вызвать напряженную работу по усилению обороноспособности угрожаемой окраины.

К рассмотрению сил и средств наших на Дальнем Востоке я и перехожу в следующих главах.

13.

Главнейшим элементом слабости нашей «сибирской линии», как я указывал уже раньше, является ее малонаселенность. Диаграмма № 1, составленная применительно к протяжению границ, до некоторой степени характеризует как трудность борьбы экономической и вооруженной при условии такой границы в населенности определенных областей Дальнего Востока, так отчасти и то направление, по которому будет нанесен главный удар.

Никакими мерами административного переустройства нельзя связать прочно окраину с центром, не заселив ее основательно и не подняв ее культуры. В каких широких размерах ни возрастала бы дальневосточная армия, все же она, черпая свои силы и средства исключительно из центра, будет висеть на тонкой нитке сибирской магистрали, подвергаясь всем тяжелым последствиям необеспеченности коммуникационной линии и потери связи с базой.

Если в минувшую кампанию, при условии широкого и беспрепятственного пользования богатыми местными средствами *мирных* Маньчжурии и Монголии, мы все

оружия являются: 1) отсутствие сознания необходимости довести бой до штыкового удара; 2) стремление избегать закрытой и особенно горной местности; 3) стремление атаковать в лоб, не прибегая к обходам; 4) пренебрежение в обороне пассивным укреплением позиции; 5) в отрядах из 2 и более дивизий каждая дивизия действует отдельно без всякой связи с другими, вследствие отсутствия общего руководства со стороны командующего отрядом.

Какая ирония судьбы!

же должны были прибегать к подвозу⁴⁰, то в каком положении будет армия, вынужденная базироваться на пустынные местности Амурского и Уссурийского края после того, как Маньчжурия и Монголия обратятся во враждебную территорию, по которой к тому же проходит 1600 верст коммуникационной линии. И, следовательно, в ряду мер для усиления обороноспособности Дальнего Востока в числе первых следует поставить колонизацию и поднятие культуры края.

До самого последнего времени колонизация Сибири носила случайный характер, не составляя предмета заботливости государства. Поэтому и результаты ее более, чем скромные. Я приведу для характеристики в круглых цифрах данные за 12-летний период (в тысячах).

Количество и прирост населения

Районы	1885 г.	1897 г.	Естествен. прирост	Прирост от колонизации ⁴¹
Западно-Сибирский	1937	3549	350	1262
Забайкальский	530	638	95	13
Амурский	62	120	11	47

Только после издания закона 6 июня 1904 года, объявившего переселение вполне свободным, дело это двинулось несколько вперед. Переселенческая смета была увеличена с 3 до 5 млн руб., все дело сосредоточено в главном управлении землеустройства и земледелия и одновременно принят ряд мер по расширению землеотводных, дорожных и гидротехнических работ по оказанию переселенцам ссудной, врачебно-продовольственной помощи и т.д. Получившиеся, однако, результаты оказались далеко неутешительными: за 1906 год осело в Сибири всего 100 тыс. душ. Из них большая часть в Западной Сибири, от 7 до 8 тыс. в Забайкалье и в прочих областях – весьма незначительное количество. В 1907 году к 14 мая в Челябинске было зарегистрировано переселенцев всего 183 тыс. душ, из которых за Байкал прошло лишь 45 тыс.

Приведенные данные указывают: 1) на недостаточность отпускаемых на переселенческое дело кредитов; 2) на то, что вопрос этот поставлен на деле вовсе не так хорошо, как показывается на бумаге: переселенческая комиссия обнаружила, например, при рассмотрении бюджета, что на работы по переселению в Приморскую область испрашивается кредит в 4000 рублей, а на администрацию их 2000 руб. На работы в Сыр-Дарьинской области 15 000 руб., а на администрацию их 15 100 руб. и т.д. и 3) что ведомство землеустройства в своем плане переселения не руководится вовсе интересами государственной обороны, допуская переселение в Западно-Сибирский район в ущерб огромной важности Дальне-Восточной окраине.

А между тем положение там становится все более грозным. На всем, например, протяжении Амура у нас не более 120 тыс. жителей. О поселениях на правом берегу Амура и Аргуни до сих пор и помину не было... С начала же 1906 года, как говорит

⁴⁰ Бывший Главнокомандующий к половине января 1905 г. требовал подвоза ежедневно 2 поездов муки, считая иначе продовольствие армии совершенно не обеспеченным.

⁴¹ Эти цифры следует еще уменьшить за счет естественного прироста колонистов.

«Новый Край», «невиданное доселе количество китайцев появилось на берегах Амура и Аргуни. Приехали они со всем своим домашним скарбом и скотом и быстро начали возводить свои импани и города»⁴². Чем остановить этот прилив желтой волны к нашим беззащитным и пустынным рубежам?

В декабре 1907 года в переселенческой комиссии Государственной Думы главноуправляющий земледелием высказал взгляд, что переселенческое дело не решает земельного кризиса, а должно иметь своей главной целью заселение мест, граничащих с Китайской империей, что в видах государственных мы должны стремиться заселить эту далекую окраину. В текущем году (1908) предполагается ассигновать на это дело 19 мил. и переселить 120 тыс. душ.

Приветствуя новое направление, которое взяло наше правительство в вопросе такой огромной важности, мы можем лишь сказать, что цифры эти – капля в море. Не миллионы, а десятки миллионов нужно вложить в это дело, не сотни тысяч, а миллионы переселенцев, как рядовых работников, так и представителей интеллигентного труда, торговли и промышленности привлечь на Дальний Восток, чтобы создать там надежный оплот нашего политического могущества и влияния.

14.

Следующим капитальным вопросом нашего могущества на Дальнем Востоке является *армия*.

Еще недавно престиж наш на Востоке был так велик, что десяток батальонов на всем необъятном пространстве Приамурского края удовлетворял всем потребностям его:

В 1884 г. в Приамурском крае – 12 бат.
 В 1894 г. – «– «– «– – 22 бат.
 В 1904 г. – «– «– «– – 140 бат.

Такой скачок в росте вооруженных сил наших был вызван новым направлением нашей политики, боксерским восстанием и подготовкой к столкновению с Японией.

Ныне состав наших войск на Востоке следующий⁴³:

Раионы	баталион	сотен	батарей	Примечание
Западно-Сибирский	49	2	35	*) В том числе корпус войск Заамурского округа пограничной стражи; приблизительный состав – под чертой
Забайкальский	32	18	16	
Амурский*)	9/14	6/55	3/6	
Уссурийский	73	15	46	
Всего	177	96	106	

⁴² А до настоящего времени само китайское правительство ставило всевозможные преграды движению населения на север.

⁴³ Краткое росписание. 1907. Сентябрь.

Нечего и говорить, что теперь, когда политическая обстановка изменилась так радикально и не в нашу пользу, когда на сцену появились новые грозные факторы в виде возрождающейся силы Китая и народившегося могущества Японии, сил этих совершенно недостаточно, чтобы выдержать натиск противника до прихода подкреплений из европейской России и сосредоточения всей армии.

Оставаясь в рамках русско-китайского вопроса, я далек от мысли сравнивать *пока еще теперь* боевую годность наших и новых китайских войск. Но, учитывая элемент количества – эту единственную данную, поддающуюся точному исследованию, поневоле приходишь к неблагоприятным для нас выводам.

Диаграммы № 2 и № 3, в которых принято за основание число войск (шт. и сабель) по мобилизации и схемы № 4 и № 5 рисуют положение нашей армии.

Из данных, в них приводимых, мы видим, что 1) на одну версту всей сибирской границы у нас приходится 26,4, а у Китая новых войск в общей сложности 32, а старых 90 (диагр. № 2), 2) что по сравнительному распределению сил в районах (диагр. № 3) и их дислокационной схеме (№ 4) на важнейшем театре военных действий мы оказываемся также слабее численно и более разбросанными.

Правда, старые войска Китая в данное время не представляют из себя сколько-нибудь серьезной силы... Правда, за дальневосточной армией имеется *резерв* в виде огромных сил Империи...⁴⁴. Но мы не должны забывать, что дальневосточная армия связана с источником своей силы тонкой ниткой железного пути, тремя тысячами верст пролегающего в опасной сфере действий противника (схема № 5), что на этом огромном расстоянии и нестройные толпы восьмизнаменных войск, а в особенности монгольская конница, могут причинить нашим сообщениям неисчислимый вред. Нельзя забывать, что скудость в местных средствах и отсутствие подготовки наших окраин в инженерном отношении заставят нас как можно скорее перенести борьбу на неприятельскую территорию и в *широкой активности* действий искать выхода из своего неблагоприятного стратегического положения. Для этого также нужны силы.

Есть еще два фактора первостепенной важности... Первое – правительство не может жить только настоящим моментом – оно должно прозорливо смотреть в будущее, обеспечивая интересы не только живущего поколения, но и идущих на смену. Мы присутствуем *в начале* возрождения Китая и его армии. На наших глазах эта армия *растет количественно и качественно*, и трудно предсказать, когда и на чем останутся ее рост и развитие. Неужели же мы будем смотреть равнодушно и ждать, когда несоизмерность сил станет настолько очевидной, что в случае столкновения повлечет за собою «эвакуацию» не только областей оккупированных, но и искони русских?

Но и этого мало. Китай, взятый отдельно, без связи с той политической обстановкой, которая создалась на Дальнем Востоке, быть может и не представлял бы такой острой опасности. Но положение совершенно меняется, если взглянуть на Китай как на *авангард* той грозной силы, которая, перешагнув по нашим трупам на азиатский материк, дала толчок к возрождению всего Желтого Востока.

⁴⁴ Войска Туркестанского округа в расчет сил Сибирской линии не вошли, так как, примыкая к театру второстепенного значения и находясь в огромном расстоянии от главного они в отношении дальневосточной армии могут иметь характер только общеимперского резерва.

Все эти обстоятельства приводят к заключению, что вооруженные силы наши на Дальнем Востоке совершенно не соответствуют численно той великой задаче, которая выпадает на их долю, и что создание сильной числом и отличной качеством дальневосточной армии является насущным вопросом первостепенной государственной важности.

15.

Приступая ко второму элементу вооруженной силы – *флоту* я, рискуя казаться несколько парадоксальным, позволю себе сделать такое заключение: да, флот на Дальнем Востоке необходим, быть может даже более чем армия, и все-таки вопрос этот я ставлю во вторую очередь.

Не может быть сомнения, что в борьбе с Японией первенствующее значение принадлежало и принадлежит флоту, что победа нашего флота над японским в минувшую кампанию прекратили бы ее в самом начале или же в конце привела бы к полному разгрому японской сухопутной армии... Что только флот может обеспечить надежно тыл дальневосточной армии на побережье Японского моря от десанты противников, и им же можно действовать активно и с большою пользой во фланг операционных направлений китайской армии вдоль побережья Желтого и Восточно-Китайского морей.

В горячей статье «Возрождение флота»⁴⁵ В. Новицкий говорит: «Одной из таких насущных государственных потребностей нашего ближайшего будущего является возрождение флота, которое уже само по себе, без войны, даст нам возможность вернуть наше мировое значение и восстановить утраченное нами влияние на Дальнем Востоке. Я не знаю, сколько для этого нужно миллионов, какие нужно строить суда, чем их вооружать и снабжать, как организовать эскадры – это дело специалистов, которые при добросовестном отношении к своему делу, вооружившись всем тем, что дает в настоящее время военно-морская наука и техника, могут успешно разрешить все эти практические вопросы. Я знаю лишь, что для России нужен флот, и не какой-либо, а флот могущественный, который дал бы возможность свободно дышать ее огромному государственному организму, сжатому как в тисках полным господством ее соседей на морях и Европы и Азии... Нужно создать поколение моряков, смелых как та стихия, среди которой ему суждено сражаться и умирать, поколение, любящее море, проникнутое сознанием величия этой задачи, которая должна быть исполнена им в будущей борьбе».

Вот такая задача огромной трудности предстоит правительству. Только не возродить флот, а создать нужно его заново, создать флотоводцев и моряков, потому что старый флот потонул в Японском море, в бухтах Севастополя, Свеаборга, Владивостока... Создать флот могущественный, потому что иначе он осужден заранее пойти бесславно и бесполезно ко дну чужого моря или, что еще ужаснее, заменить Андреевский флаг чужим неприятельским.

Ясно, что *задача эта не исчерпывается текущим моментом, непосильна на стоящему и составляет дело будущего.*

---

⁴⁵ Офиц. Жизнь. 1907. № 92.

Отправной точкой служит современное положение дальневосточного флота. Согласно приказу по морскому ведомству 1907 г. № 224, в состав Сибирского флотского экипажа входят следующие боевые суда.

Крейсеров	2
Эскадренных миноносцев	9
Миноносцев	19
Миноносков	3
Подводных лодок	14
Канонерских лодок	1
Речных канонерских лодок	10

Хотя флотилия эта по мобилизации будет усилена Балтийским флотом, но и за всем тем остатки наших морских сил, уступающие в сибирских водах даже китайскому флоту, слишком ничтожны, чтобы иметь какое-либо военное значение. Нужно поэтому приступить безотлагательно к судостроительству, выработав широкую программу, сообразованную с политической обстановкой, целью создания флота и современными данными морской и артиллерийской техники, не жалея средств, разложив их на несколько лет, сообразно с платежными силами страны.

Что касается вопроса какой флот нам нужен *ныне, в первую очередь*, не вдаваясь в область морской техники и стоя лишь на почве здравого понимания политического положения нашего государства, должно полагать, что нам нужен флот *минный (подводный и надводный)*.

В самом деле, будучи заперты в отдельных морях, отделенных громадными расстояниями друг от друга, не имея обозначенных баз и морских станций, можем ли мы думать *теперь* об активно наступательной роли нашего флота, можем ли тратить миллиарды – не от избытка, а от разорения народного – на дорогой наступательный (броненосный) флот теперь, когда еще ничего не сделано для обороны побережий, когда морские границы наши находятся в небывалой опасности, когда мы не имеем достаточно сил и средств воспрепятствовать десанты возможных противников на побережья востока, юга и запада.

Морское министерство, как сообщают газеты, внесли в Думу проект постройки флота на общую сумму около 500 мил., причем в первую голову поставлена постройка 2-х броненосцев по 20 тыс. тонн стоимостью в 36 мил. руб. Ведомство этим шагом выходит на путь легкомысленного шовинизма, побуждающего его состязаться ныне с флотами первостепенных морских держав Запада и Востока. А возможность коалиций, а неизбежный впереди прогресс в развитии флотов германского, английского, японского уже во время выполнения нашей судостроительной программы!..

Поистине какой-то рок преследует нас, и мы опять готовы, очертя голову, не считаясь с государственными потребностями, бросить сотни миллионов на огромные и дорогие самотопы, для которых нет открытых морей, где бы они могли плавать, гнет угольных станций, где бы они могли питаться, нет надлежаще оборудованных береговых баз, под защиту которых они могли бы укрыться.

Среди горячих споров на злободневный ныне вопрос о преимуществах для нас минного (надводного и подводного) флота над броненосным, раздающихся везде –

в Думе, в ученых учреждениях, в обществе и печати, – центральное место занимает доклад в лиге обновления флота г. Семенова Тянь-Шанскаго в октябре 1907 г. Вот в общих чертах его заключительные положения⁴⁶:

1) Военный флот России должно организовать путем исключения непригодных судов⁴⁷ и постройкой только того, что нужно *для защиты границ и реальных интересов государства*.

2) Ядро флота должен составить сильный минный (надводный и подводный) флот, как оборонительный, так и наступательный, опирающийся на приморские крепости и базы.

3) Только тогда можно приступить к постройке сильных и быстроходных бронированных крейсеров.

4) Броненосцы нам пока не нужны, как вследствие их специального назначения (эскадренный бой), так и по отсутствию у нас баз.

Что можно сказать против этой программы, в которой *активная* оборона наших родных побережий поставлена на первый план?

Но главное нужно поручить дело постройки флота лицам сведущим и безукоризненно честным. Пример из очень недавнего прошлого указывает, какое громадное значение имеет это скромное качество в деле государственной обороны.

Морские бюджеты России и Японии за период 1899–1903 годов выражаются следующими цифрами⁴⁸ (в миллионах руб.).

	<u>1899</u>	<u>1900</u>	<u>1901</u>	<u>1902</u>	<u>1903</u>
Россия	90	96	108	112	120
Япония	60	45	41	32	32

Т.е., другими словами, *русское морское министерство за последние пять лет перед войной израсходовало на флот 526 миллионов, в то время как Япония 210.*

Бедные миллионы и бедная страна, в которой так беспечно тратятся ее трудовые средства.

Сведения о современном положении дела весьма туго проникают в печать. Но то, что сделалось ее достоянием, не внушает особо оптимистических надежд. Так, например, слышно, что морское министерство продолжает тратить сумасшедшие деньги на броненосцы и крейсера обыкновенного (устарелого) типа с единственною целью не лишать заводов работы и офицеров должностей. Спроектированные без всякой системы и выпущенные в последнее время 4 броненосца, 4 крейсера и 3 минных заградителя оказались в конце постройки или значительно устаревшими или совсем не отвечающими своей цели⁴⁹.

Министерство бросает 10 миллионов на постройку 5 канонерских лодок для Каспийского моря, хотя для охраны его берегов, ввиду отсутствия неприятельской фло-

⁴⁶ «О направлениях в развитии русского флота». С. 24.

⁴⁷ На множество таких судов идут отпуска от казны.

⁴⁸ Итоги морской войны // Русский вестникю 1905. Октябрь. С. 605.

⁴⁹ «О направлении в развитии русского флота». С. 4.

тилии и крепостей, могло быть использовано множество мелких судов Балтийского флота, там непригодных.⁵⁰

Для обороны Амура тратить 20 миллионов на постройку 21 канонерки, не имеющих никакой боевой пригодности, не могущих совершенно состязаться с береговыми батареями, канонерки, которых расстреляют даже полевыми батареями, не говоря уже о том, что они приспособлены для отапливания нефтью, которой на Амуре нет. Эти посудины обречены, без сомнения, на верную гибель в самом начале войны.⁵¹

И много еще известий все таких же печальных приносит печать.

В последние дни вопрос о военном судостроительстве рассматривается в закрытых заседаниях думской комиссии. Будем надеяться, что эта важная отрасль государственной обороны и государственного хозяйства, благодаря хотя бы чисто финансовому контролю двух законодательных учреждений, получит, наконец, направление, соответствующее достоинству и интересам страны.

16.

В числе факторов вспомогательного значения большую роль играет надлежащая система путей сообщения, а среди них исключительную по важности провозоспособность Сибирской магистрали. Нет нужды повторять здесь фразы об огромном стратегическом значении ее. Как бы ни сложились политические комбинации на Востоке, ей суждено в них принять первостепенное участие.

Это значение видно ясно при рассмотрении стратегического сосредоточения нашей армии в кампании 04–05 г.г.

Мы начали войну с 3 парами воинских поездов сквозного движения – максимальной пропускной способностью Забайкальской дороги. Путем напряженной деятельности железнодорожного и военного ведомств эту провозоспособность постепенно удалось довести к июню 05 г. до 12 пар поездов, а к концу кампании до 14. Таким образом, в среднем за всю кампанию дорога работала 8¹/₂ парами поездов и на увеличение 1 парой требовалось около 1¹/₂ месяца. Результаты таковы: только через 4 месяца, к началу июня 04 г. в Ляоян прибыла голова 10 арм. корпуса, т.е. первый эшелон Имперского резерва. Засим войска прибывали по расчету в среднем 1¹/₂ месяца на корпус. Принимая, что дорога перевезла за всю кампанию около 1200 тысяч нижних чинов или около 800 тысяч штыков и сабель, в среднем в 1 день перевозилось около 1450 бойцов.

Такой результат в смысле эксплуатационном при тогдашней обстановке нельзя не признать блестящим, но стратегическое его значение более чем неудовлетворительно. Я далек от мысли считать недостаток сил основной причиной нашего проигрыша кампании: «число» в круг всех причин занимало весьма скромное место... Трудность и весьма продолжительное время, нужное для десанта, сосредоточения, развертывания и устройства коммуникационных линий японских армий искупали в значительной мере опасность нашего медленного сосредоточения. Страна, вблизи

⁵⁰ Офицерская жизнь. 1907. № 96.

⁵¹ Брошенные миллионы // Новое Время. 1907. № 11357.

границ и вдоль которой пролегла Сибирская магистраль, сохраняла доброжелательные к нам отношения и не сделала ни одной попытки прервать эту нашу жизненную артерию... Но взгляните, как изменилась обстановка теперь. Китай вооружается и еще до объявления войны, презрев дипломатические конвенансы, может сосредоточить (теперь) 11 дивизий в районе, положим, Мукден–Гириин. Японская армия владеет прекрасным плацдармом – Квантунским полуостровом и своими авангардами может подвинуться на 200 верст к Харбину (Куанчендзы) и на 150 к Владивостоку (Корея).

По сведениям г. Левашова⁵², ко дню заключения Портсмутского мира Сибирской дороге не хватало 341, а Забайкальской 85 паровозов для доведения провозной способности до 20 пар, и график допускал лишь 16–17 пар поездов всех наименований. Предположим, что ныне график доведен до 20 пар и что для воинских перевозок можно из них взять целых 17. Руководствуясь опытом минувшей кампании и средними данными бывших перевозок (1450, ныне 2900 бойцов в день), мы получим, что к концу месяца в Харбин, например, прибудет первый эшелон – 2900 бойцов.

К концу 2-го	87.000
-«- 3-го	174.000
-«- 4-го	261.000
-«- 5-го	348.000
к концу 6-го	435.000
-«- -«- -«- -«- -«- -«-	
к концу 12-го	957.000

То есть только к концу года войны мы могли бы сосредоточить на Дальнем Востоке миллионную армию.

Такая медленность сосредоточения при современном военно-политическом положении является в высокой степени опасной и требует мер чрезвычайных для усиления провозной способности Сибирской магистрали путем проведения на всем ее протяжении *двойной или даже тройной колеи*.

Чтобы облегчить железной дороге ее задачу и вместе с тем оживить Сибирский край, надлежит также обратить внимание на систему сибирских водных путей. Эти пути, идущие по параллели в общем направлении магистрали и могущие принять значительное количество военных грузов, почему-то не были использованы в минувшую кампанию.

1) От станции Тюмени по р. Тур–Тоболу–Иртышу–Оби–Кете–Обь–Енисейскому каналу–Енисею–Ангаре–Байкальскому озеру до станции Мысовой идет сплошной водный путь, доступный для парохозяйства и освобождающий, при условии его эксплуатации, 3350 верст Сибирской и Кругобайкальской дороге (Челябинск–Мысовая).

2) От станции Сретенска, при условии продолжения железной дороги до Покровской, водный путь по Амуру и далее по Сунгари до Харбина и по Уссури на Владивосток (до д. Бельцевой), освобождает 1200 (Карымская–Харбин) – 200 (Карымская–Владивосток) верст Забайкальской, Восточно-Китайской и Уссурийской дороге.

⁵²Русский Инвалид. 1907. № 112.

Совершенно исключительное место в рассматриваемом вопросе занимает грандиозный проект *Амурской железной дороги*, принятый Государственной Думой.

Дорога, удаляясь от Амура от 15 до 120 верст, имеет общее протяжение в 2032 в. Постройка всей линии с веткой на Благовещенск обойдется в 247 687 250 руб. Дорогу предположено закончить постройкою в 1912 г., тип и провозоспособность придать такие же, как и магистрали.

Нечего и говорить, что Амурская дорога, проходя по местности малонаселенной и в отношении транзита встречая конкуренцию со стороны более короткой Восточно-Китайской дороги, в течение многих лет будет совершенно бездоходной, вызывая на свое существование дополнительные ассигнования государственного казначейства 10–15 мил. ежегодно. Предстоящие громадные материальные жертвы должны побудить народное представительство отнестись к вопросу с особенной осторожностью...

Вопрос о постройке Амурской дороги имеет уже свою литературу, причем большинство сходится в мнении о необходимости ее, а меньшинство, в том числе г. Лопушанский, поддержанный редакцией «Разведчика», в ряде статей, написанных с большим знанием дела, проводят взгляд, что в данное время стратегическое значение Амурской дороги отрицательно, *проведение ее опасно для нас и выгодно для противника*.

Остановимся несколько на этих взглядах.

В смысле экономическом Амурская дорога, обслуживая интересы края с населением не более 170 тысяч, *ныне* имела бы значение чисто местное, далеко не соответствующее огромным затратам. Но эта артерия – *одно из активных средств колонизации*, она вызовет к жизни прозябающие золотые промыслы этой области и в *будущем*, несомненно, получит весьма важное значение в жизни *колонизованного* Амурского края.

В отношении стратегическом значение ее двояко.

Во-первых, просто как связи между *Забайкальем и Владивостоком*. Но такая связь уже существует в виде Восточно-Китайской дороги. Правда, этот путь, проходя по чужой территории, занимает исключительное место по своей необеспеченности... Но скажите, многим ли безопаснее Амурская магистраль? Маньчжурия врезывается клином в наши владения, подходя к проектированной линии местами на 15 верст. Амур в смысле преграды серьезного значения иметь не может и, как мы видели, обороняется самотопами. Для непосредственной охраны 2000 верстн. линии других естественных средств нет. Продолжение Амурской линии – Уссурийская подходит на всем своей протяжении вплотную к китайской границе, подвергаясь, вместе с тем, удару с востока, со стороны десанта, который может высадиться в любом месте Приамурского побережья ввиду его полной беззащитности и слабости (отсутствию) флота.

Второе значение – *коммуникационной линии в предположении сосредоточения сил в Приамурье*. Но область эта не может быть признанной удобной для сосредоточения большой армии в *начале* войны. Будучи совершенно не подготовлена в интендантском и инженерном отношении как промежуточная база, находясь от пунктов сосредоточения предполагаемых противников во времени и в расстояниях несравненно меньших, чем от источников своих пополнений, обладая коммуникационными

путями, подверженными опасности удара и прорыва с юга (с фланга), область эта может быть рассматриваема в *начале войны* только как передовой театр действий авангардов.

Все эти обстоятельства несколько, однако, не умаляют весьма важного *абсолютного* значения Амурской дороги как в отношении экономическом, так и стратегическом. Они подчеркивают только лишний раз тесную связь различных элементов обороноспособности Дальнего Востока и ставят проект на должное место в ряду прочих мер государственной обороны.

Исходя из этого взгляда нужно признать, что *постройка Амурской дороги необходима*, но прежде всего все чрезвычайные ассигнования по железнодорожному строительству нужно употребить на усиление провозоспособности Сибирской магистрали (двойная или даже тройная колея), одновременно продолжить от Сретенска до Покровской, т.е. до судоходного Амура, ветвь Амурской дороги, имеющую самостоятельное важное значение. Затем только надлежит приступить к дальнейшему проведению дороги, строго соразмеряя отпускаемые на это дело кредиты с ассигнованиями на другие военные нужды, как то усиление дальневосточной армии, флота, *оборону Амура* и морского побережья и т.д.

17.

В минувшую кампанию, как было указано выше, маньчжурские армии довольствовались местными средствами, которых, однако, оказалось недостаточно в такой степени, что к середине января 05 г. Главнокомандовавший требовал подвоза из России ежедневно 2 поездов муки, а в конце кампании, несмотря на близость Монголии, наступил и мясной кризис. Что касается остальных предметов снабжения армии, за исключением военного запаса, все они получались подвозом из складов внутренней России.

Такое положение вещей нельзя считать нормальным. Занятие железнодорожной линии огромным количеством войсковых грузов в самое горячее время, когда необходимо поднять и перебросить как можно больше войск, необеспеченность этого подвоза, зависимость от всякого рода случайностей во время движения по одной железной линии огромного протяжения 8–9 тысяч верст, – не могут не отразиться на ходе операции. В начале 05 г. в подвозе войск из России произошел перерыв в течение 5 недель благодаря необходимости продвинуть массу скопившихся грузов. Перерыв роковой, потому что случился как раз перед Мукденским сражением...

Поэтому необходимо еще в мирное время в районе, более близком к театру предстоящих военных действий, создать магазины, артиллерийские, инженерные, вещевые склады, словом, подготовить его для устройства *главной базы*. Пока, насколько известно, только одно интендантство делает шаги в этом направлении, используя Иркутский военный округ.

Нельзя не признать, что ближайший к Иркутску район, сравнительно обеспеченный, сокращая пути подвоза на 405 тыс. верст, представляет наиболее удобств для создания здесь базы.

Что касается подготовки театров в инженерном отношении, то вопрос этот находится в полнейшей зависимости от стратегического плана кампании и не подлежит детальному обсуждению на страницах печати. Можно лишь указать на меры, которые следует принять безотносительно к тому или иному плану, в зависимости от естественных условий театров.

В ряду этих мер на первое место следует поставить создание крепости-лагеря у Харбина – важнейшего узла маньчжурских дорог и Сунгарийского водного пути, исходного пункта всякого нашего наступления, объекта действий всякого неприятельского наступления. Дело дипломатии провести этот вопрос без международных осложнений⁵³. Затем доведение до уровня современных требований инженерного искусства верков⁵⁴ Владивостока и укреплений Николаевска. Наконец, весьма важное дело создание тет-де-понов⁵⁵ и вообще укреплений у всех капитальнейших сооружений Сибирской магистрали до Самарскаго моста включительно.

18.

Разбирая наше стратегическое положение на Дальнем Востоке, я по некоторым причинам сузил вопрос в рамки русско-китайских отношений. Но, несмотря на это, не раз приходилось касаться и другого более важного фактора в области дальневосточной политики – Японии. Можно думать, что обостренные отношения между Японией и Китаем, существующие ныне, являются вопросом, так сказать, внутренним, и будут улажены под влиянием сильной в Китае японофильской партии. Трудно, в самом деле, допустить, чтобы японцы, принимая такое деятельное участие в устройстве китайской армии, ковали против себя мечи и рыли себе могилу в маньчжурской земле. Несомненно, в отношении России интересы обеих этих держав сходятся, и обстоятельство это может повлечь вооруженное столкновение, безразлично, будет ли это только «усиленная рекогносцировка» (Китай) или «генеральный бой» (Китай и Япония).

Став на эту точку зрения, что Китай будет лишь авангардом коалиции, я несколько не подрываю этим выводов, которые были сделаны на протяжении предыдущих глав. Напротив, все они остаются в силе, и только важность и неотложность мероприятия становится еще более очевидной, более насущной, в виду более грозной опасности.

И к ней мы должны быть готовы.

Мы должны, не щадя сил и средств, с полным хотя бы напряжением платежных сил страны заселить дальневосточную окраину, создать там сильную армию и связать ее с источником сил и средств – центром Империи – двумя-тремя колеями железного пути. Это главное. Затем безотлагательно приступить к постепенному созданию флота, постройке Амурской дороги, использованию водных путей, устройству грунтовых, подготовке базы и театров войны в инженерном отношении.

⁵³ Число войск, которые можно держать для охраны Восточно-Китайской дороги, ограничено Портсмутским договором.

⁵⁴ От нем. Werk (сооружение, укрепление, завод) — отдельное укрепление, входящее в состав крепостных сооружений и способное вести самостоятельную оборону. – *Примеч. ред.*

⁵⁵ От фр. *tête de pont* (голова моста) – предмостное укрепление. – *Примеч. ред.*

Независимо от всего этого наша дипломатия должна стать на точку правильного понимания государственных интересов, поддерживая доброжелательные отношения с Китаем и Японией, создавая в Европе и Америке прочные союзы, которые развязывали бы нам руки на других фронтах, и отказавшись, безусловно, от всяких агрессивных планов, могущих вызвать столкновение.

Но, не посягая на чужое достояние, мы с полным напряжением всех сил и средств страны должны отстаивать целостность и неприкосновенность наших дальневосточных владений. *Оборона и только оборона составляет для России задачу текущего политического момента.*

И презрением заклеила бы история и потомки то дряблое, бессильное, безвольное поколение, которое, растеряв высокие идеалы патриотизма и веру в светлую будущность обновленной России, повернуло бы вспять от Великого океана, не испив до дна чашу смертного боя.

Будем верить, что этого не случится.

Уважаемые читатели!

**Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения
в России и мире на электронный адрес редакции:
journal@iccaras.ru**